

Среди учеников, собравшихся перед трибуной, не было почти никого, кто бы не сомневался в честности Чэн Яня. Однако никто не ожидал, что первым голос подаст именно Мэн Чэньхуэй.

Его выкрик прозвучал так звонко, что наставник Линь просто не мог его проигнорировать. Экзаменатор перевёл взгляд на возмутителя спокойствия и спросил:

— Как твоё имя?

Мэн Чэньхуэй ответил учтивым поклоном, стараясь сохранять самообладание:

— Ученик Мэн Чэньхуэй.

Разумеется, наставник Линь не мог помнить всех имён. Он повернулся к списку, отыскал нужную фамилию и лишь после этого снова посмотрел на юношу.

В обычное время Мэн Чэньхуэй, привыкший к местам в первой тройке, не придавал бы этому значения. Но сейчас, когда его имя красовалось лишь на двадцать девятой строчке, этот оценивающий взгляд чиновника показался ему публичной пощёчиной.

Впрочем, господина Линя не заботили терзания юноши. Он лишь хотел убедиться, что перед ним действительно ученик из класса Цзя.

— Мне доводилось слышать, — произнёс экзаменатор, — что Чэн Янь не отличается прилежанием. Выходит, ваши сомнения вызваны его дурной репутацией?

После того как вызов был брошен, в душе Мэн Чэньхуэя шевельнулась тревога. Он не верил, что Чэн Янь способен на искусную хитрость, а уж подкупить столичного чиновника из округа Цанбэй — и вовсе дело немислимое. К тому же, этот бездельник всегда вёл себя как «мёртвая свинья, не боящаяся кипятка». Неужели он стал бы изводить себя подготовкой ради одного экзамена?

И всё же ему пришлось стоять на своём.

— Именно так, господин.

Наставник Линь обвёл взглядом толпу:

— Где Чэн Янь?

Тот вместе с Чу Ваном стоял в тени деревьев, в стороне от трибуны. Хотя юноша и был в центре внимания, он хранил молчание до тех пор, пока не услышал своё имя. Только тогда он лениво вскинул руку.

Линь бросил на него короткий взгляд и снова обратился к оппоненту:

— Работа Чэн Яня будет обнародована позже, если в том возникнет нужда. — Затем он снова посмотрел на виновника торжества: — Чэн Янь, твои товарищи сомневаются в твоём успехе. Даже среди учителей возникли разногласия из-за твоего результата, столь не вяжущегося с твоим обычным поведением. Как ты докажешь свою честность?

Чэн Янь мысленно закатил глаза, но вслух ответил со всей подобающей скромностью:

— Разве это сложно? Прошу наставника дать мне новую тему прямо здесь. Я сочиню эссе на ваших глазах.

Наставник Линь кашлянул и обменялся взглядами с коллегами. Прочитав в их глазах молчаливое согласие, он снова посмотрел на учеников:

— Есть ли у кого-то возражения против такого способа?

Собравшиеся молчали. Если не допускать мысли о подкупе самого экзаменатора, то проверка на месте была самым надёжным доказательством.

— Чэн Янь, поднимайся на помост, — распорядился Линь. — Приготовьте ему кисть и тушь.

Однако тот покачал головой:

— Не будем терять время, господин. Просто назовите тему, и я отвечу устно.

Чу Ван резко дернул его за рукав и прошипел:

— Не смей нарываться!

Среди учеников снова пронёсся гул изумления. Лицо господина Линя заметно потемнело. Он смерил юношу суровым взглядом и отрывисто бросил:

— Что ж! Будь по-твоему!

Он заложил руки за спину, на мгновение задумался и произнёс:

— Твоя тема — «Устройство системы академий». Напиши об этом эссе в свободном стиле. — Немного помолчав, он строго добавил: — И помни: ни слова о том, что ты излагал в утренней работе!

Последнее условие казалось придиркой, но лишь наставники, видевшие утреннее эссе, понимали, о чём предупреждает господин Линь. Они всерьёз опасались, что Чэн Янь прилюдно разразится своими поразительными рассуждениями.

Чу Ван побледнел от волнения, но его спутник оставался невозмутим.

— Слушаюсь, господин.

Наставник Линь взмахнул рукавом:

— Даю тебе время в три палочки фимиама на раздумья.

— В этом нет нужды, — тут же отозвался Чэн Янь. — Я готов начать.

На этот раз собравшиеся не просто загудели — люди взорвались криками. Экзаменатор холодно хмыкнул, и его голос перекрыл шум:

— Начинай!

Воцарилась мёртвая тишина. Все замерли, гадая, что сможет выдать этот повеса. Его друг места себе не находил от тревоги. Сейчас, когда на них смотрели сотни глаз, он не мог остановить товарища, но совершенно не понимал, откуда в том взялась такая безрассудная уверенность. Остальные же и вовсе ждали неминуемого позора.

Чэн Янь откашлялся, за мгновение выстроив в голове структуру речи, и заговорил. Его голос, обычно ленивый и насмешливый, внезапно обрёл глубину и стать. Исчезла вся былая расхлябанность — перед ними стоял серьёзный, сосредоточенный учёный.

— Расцвет академий можно описать лишь одной фразой: они явились ответом времени, следуя за движением самой судьбы...

Он говорил не спеша, но каждое слово ложилось в безупречную структуру. Аргументация быластройной, а цитаты — к месту. Юноша не заминался ни на секунду, уверенно развивая мысль.

С первых же фраз перед трибуной установилась такая тишина, что слышно было жужжание мухи. Слушатели, поначалу ошеломлённые самой возможностью такого выступления, вскоре забыли о своих подозрениях. Они погрузились в его рассуждения, невольно следуя за логикой повествования.

Взгляд Чэн Яня на систему образования был пронизательным и острым. Он ясно изложил все достоинства и пороки существующего строя, а в завершение предложил способы его улучшения. Последняя фраза, выстроенная в идеальном ритме, подвела черту под его блестящей речью.

— ...Таково моё скромное мнение об устройстве академий. Прошу наставника рассудить, насколько оно верно.

Когда затих последний звук его голоса, на площади ещё долго безмолвствовали. Первым нарушил тишину наставник Линь. Он начал аплодировать и громко произнёс:

— Блестящая работа!

В ту же секунду толпа взорвалась ответными рукоплесканиями. Однако, хлопая, ученики продолжали шептаться, не веря своим глазам:

— Это правда Чэн Янь? Может, это кто-то другой, просто очень на него похожий?

Чэн Цзинь смотрел на брата, не в силах скрыть потрясения. Ему хотелось растолкать людей, подбежать к нему и заглянуть в лицо — неужели этот человек действительно тот самый неуч, который и кисти-то в руках держать не умел? Внезапно он вспомнил их вчерашнюю встречу. Брат говорил, что не собирался участвовать в экзамене... У Чэн Цзиня возникло пугающее чувство, что тот сделал всё это лишь ради их нелепого спора.

Эта мысль казалась безумной — но разве второе место Чэн Яня не было само по себе безумием?

Наставники на помосте переглядывались. В их глазах читалась смесь облегчения и крайнего изумления. Господин Линь посмотрел на юношу долгим, сложным взглядом и наконец произнёс:

— Если бы ты... Эх, ладно. Впредь учись прилежно и перестань валять дурака.

Пока шло оглашение результатов, учителя успели в красках расписать господину Линю все «подвиги» этого нерадивого ученика. Экзаменатор видел: Чэн Янь просто любит играть с огнём, и его душа не лежит к чиновничьей карьере. Но его эссе ясно доказывали — юноша обладает необычайным умом и талантом.

Линь заставил его выступить не только ради доказательства честности. Он понимал, что утренняя работа, при всей её силе, была слишком скандальной для того, чтобы её читали вслух перед всей школой.

Чэн Янь оказался на редкость понятливым: его вторая речь была куда более традиционной и

сдержанной. Но даже в этих рамках она оставалась жемчужиной мысли, а то, что она была произнесена экспромтом, лишь подчёркивало глубину его познаний.

Экзаменатор чувствовал, как в нём борются восхищение талантом и гнев на то, что такой человек сознательно выбрал путь повесы, игнорируя презрительные взгляды окружающих.

— Да как... как это возможно... — Мэн Чэньхуэй всё ещё стоял как громом поражённый.

Он бормотал что-то себе под нос, и его бледное, искажённое лицо выглядело почти пугающе. Видя, что именно этот ученик заварил всю эту кашу, наставник Линь смерил его холодным взглядом. Его мнение об этом юноше упало окончательно.

— Мэн Чэньхуэй, тебе стоит больше внимания уделять собственным трудам. Учись у товарищей, если в том есть нужда, но берегись зависти. Тебе нужно всерьёз поработать над своим характером.

В его голосе слышался упрёк, прикрытый наставлением. В глазах господина Линя этот ученик, занявший лишь двадцать девятое место, превратился в посредственность, которая только и умеет, что с завистью следить за чужими успехами. У таких людей слишком мелкая душа, чтобы достичь истинных высот в науке.

Посрамлённый юноша всё понял. Его лицо потемнело, а в душе закипела обида. Ведь не он один сомневался! Но все остальные струсил, а он, выступив вперёд, стал козлом отпущения и живым примером порочности!

Казалось бы, на этом всё должно было закончиться. Победители названы, доказательства представлены — пора расходиться по классам. Но стоило господину Линю собраться объявить о завершении церемонии, как в толпе раздался громкий голос:

— Мэн Чэньхуэй — великий талант из самого округа Цанбэй! Он из благородной семьи и, говорят, состоит в родстве с самим цзюньтайшоу. С чего бы ему завидовать какому-то сынку богатея-выскочки?

Голос доносился откуда-то со стороны класса Дин, но был таким звонким, что его слышали все. Тут же по площади поползли одобрительные шепотки:

— И то верно, экзаменатор слишком строг. Господин Мэн в прошлый раз был вторым, станет ли он завидовать Чэн Яню лишь из-за одной случайной удачи?

— Верно! Он просто хотел справедливости. Как может Чэн Янь сравниться с ним?

— Посмотрите на их происхождение! Глубина знаний и благородство духа этих двоих просто несопоставимы!

Чэн Янь едва сдержал улыбку. Что ж, Сян Ань отлично усвоил его уроки: он мастерски владел искусством возвышать, чтобы ударить больнее. Этот парень точно знал, как разжечь конфликт, используя ложное сравнение.

Правда, использовать для этого самого Чэн Яня было, пожалуй, некоторым перебором.

Другие ученики, не подозревая о подвохе, искренне подхватили похвалы. Репутация Мэн Чэньхуэя в академии всё ещё была высока, а внезапный взлёт «чёрной лошадки», чьё имя до этого ассоциировалось лишь с кутежами, по-прежнему вызывал скепсис.

Однако господин Линь, уже успевший составить о Чэн Яне лестное мнение, совершенно не знал о «блестящем прошлом» его оппонента. Слыша, как ученики оспаривают его слова, он заметно помрачнел. В его глазах это выглядело как открытое неповиновение.

К тому же его зацепила фраза о родстве с главой округа Цанбэй. Что за вздор? Линь прекрасно знал всех талантливых юношей из тех мест, но об этом «гении» слухом не слыхивал. А уж если бы тот был родственником цзюньтайшоу — это и вовсе не осталось бы тайной.

Линь повернулся к стоявшему рядом чиновнику, который всё это время хранил суровое молчание:

— Цзуши Чжоу, вы ведь близки к главе округа. Знаком ли вам этот «талант» Мэн Чэньхуэй?

Средний чиновник по фамилии Чжоу, прибывший вместе с Линем, с самого начала старался держаться с важностью, подобающей его рангу. Он не участвовал в проверке работ, присутствуя здесь скорее как почётный гость. Услышав вопрос, он нахмурился и вперил взгляд в Мэн Чэньхуэя.

Лицо юноши стало землистым. Похвалы толпы, которые должны были его поддержать, теперь душили его. Под тяжёлым взглядом чиновника он готов был броситься прочь.

Цзуши Чжоу долго разглядывал его, пытаясь вспомнить, но в его глазах читалось лишь недоумение. Спустя пару секунд он презрительно хмыкнул и отвёл взгляд:

— Какой ещё «благородный талант»? Всего лишь брат девицы, которую взяли в дом цзюньтайшоу. Взлетел на чужих крыльях и, небось, самого главу видел пару раз издалека.

Договорив, он брезгливо дёрнул плечом, словно само упоминание о делах женской половины дома было ему противно:

— Любая дворняжка норовит примазаться к власти. Смешно!

Лицо Мэн Чэньхуэя сначала посинело, затем побелело, а после последних слов чиновника окончательно посерело. Ученики, не сразу понявшие смысл фразы «взяли в дом», зашептались, пока до них не дошла горькая истина.

Это означало лишь одно — его сестра стала наложницей, а вовсе не законной супругой. Выходит, всё величие этого человека строилось на том, что его родственница была младшей женой чиновника. Он дурачил всю Академию Битань, выдавая себя за отпрыска знатного рода!

Даже наставники почувствовали себя обманутыми. Глядя на дорогую одежду Мэн Чэньхуэя и его безупречные манеры, многие верили в его высокое происхождение.

— Быть не может... Мэн говорил, что его сестры вышли замуж за лучших людей округа. Оказывается, всего лишь наложницы? Значит, и семья его — вовсе не знатная?

— То-то он уходил от ответа, когда его спрашивали об отце...

— Как складно врал...

Вокруг всё гудело от пересудов. Теперь Мэн Чэньхуэя обсуждали куда яростнее, чем после его провала на экзамене. Тогда ученики ещё сдерживались, опасаясь его связей, но теперь всё изменилось.

Чэн Цзинь, стоявший рядом с бывшим кумиром, смотрел на него с нескрываемым отвращением. Они считались самыми близкими товарищами в академии.

— Мэн Чэньхуэй, так ты, оказывается, лжец! — выплюнул он и с силой толкнул юношу в плечо.

Раньше Чэн Цзинь заискивающе называл его «брат Мэн». На самом деле они были ровесниками, и он терпел чужие капризы лишь ради статуса. Теперь он чувствовал себя не просто обманутым, а круглым дураком, которым вертели как хотели. И это порождало в его душе жгучую ненависть.

Виновник скандала не выдержал. Не дожидаясь, пока господин Линь официально распустит собрание, он развернулся и бросился прочь под свист и улюлюканье.

Наставник Линь проводил его хмурым взглядом и холодно резюмировал:

— Пустозвон. Завистлив, мелочен и никчёмен.

Столь суровая оценка из уст столичного экзаменатора была приговором. Стоило этому слуху разойтись, и путь к знаниям для этого человека будет закрыт навсегда — никто не захочет иметь дело с кем-то столь сомнительных качеств.

Господин Линь выкинул это происшествие из головы.

— А кто у нас лучший ученик, Чу Ван?

Тот всё это время тихо стоял подле Чэн Яня. У него было множество вопросов к другу, но скандал с Мэн Чэньхуэем совершенно выбил его из колеи. Когда его позвали, он не сразу понял, чего от него хотят, и лишь спустя секунду вскинул руку.

Заметив, что юноши стоят плечом к плечу, наставник Линь снова сердито зыркнул на Чэн Яня, а затем обратился к Чу Вану:

— Ты. Иди за мной.

Чу Ван вздрогнул и испуганно посмотрел на Чэн Яня. Тот ободряюще улыбнулся и шепнул:

— Не бойся. Наставник явно впечатлён твоим успехом и хочет поговорить наедине.

— Но... почему он не позвал тебя? — замялся юноша.

Чэн Янь усмехнулся:

— Я ему явно не по душе. Ступай же, не заставляй его ждать.

Сяо Чу кивнул и поспешил за экзаменатором.

Толпа начала расходиться по классам. Внезапно кто-то в гуще учеников громко произнёс:

— Кстати, я слышал, что вчера Чу Вана толкнул в воду именно Мэн Чэньхуэй.

— Да что ты! Не мели чепухи! — тут же отозвался другой.

— И вовсе не чепуха! Мне это сказал парень из класса Цзя, он вчера помогал его вытаскивать. Говорит, Чу Ван был толкнут, а не поскользнулся сам.

— Да-да! Я тоже об этом слышал! — встрял третий.

Лица соучеников мгновенно изменились. Теперь, когда недавний фаворит лишился своей брони из ложного благородства, люди не боялись распространять подобные слухи.

— Зачем ему это? — спросил кто-то.

— Как зачем! — в сердцах выкрикнул один из парней. — Он же и нас обманывал! Наверняка завидовал, что Чу Ван всегда первый, вот и решил от него избавиться! — Он орал так громко, что его слышали все. Видимо, этот ученик когда-то особенно рьяно заискивал перед Мэн Чэньхуэем и теперь, чувствуя себя одураченным, выплескивал всю свою ярость.

Только замолчав, он понял, как вызывающе это прозвучало.

— Похоже, этот человек коварен и жесток, — вполголоса заметил кто-то в толпе. — С таким и звать опасно.

— Верно. Лучше держаться от него подальше.

Чэн Цзинь всё ещё стоял на площади. От этих разговоров его прошиб холодный пот. Один из соучеников подошёл и спросил:

— Цзинь, ты же дружил с ним. Неужто он и впрямь причастен к тому, что случилось с Чу Ваном?

Второй молодой господин Чэн напрягся всем телом и выдавил из себя:

— Откуда... откуда мне знать!

Товарищ, видя его испуганное лицо, решил, что Цзинь просто потрясён открывшейся правдой. Он и не догадывался, что если бы тот учился чуть лучше, он вполне мог бы оказаться на месте пострадавшего.

Только сам Чэн Цзинь понимал, что эти слухи родились не на пустом месте. Вчера, когда его попросили задержать брата, он не почувствовал нелада и исполнил просьбу без тени сомнения. Но теперь, сопоставив факты, он по крупицам восстанавливал картину той ночи.

Стало ясно: Мэн Чэньхуэю нужно было убрать свидетеля. Если бы Чэн Янь задержался хоть на миг... если бы сам Цзинь проявил больше настойчивости... не стал бы он невольным соучастником убийства? Вчера тот подстрекатель выглядел совершенно обыденно, и трудно было представить, какие черные мысли бродили в его голове.

От этих раздумий Чэн Цзиню стало не по себе. И тут он услышал голос, который сейчас ненавидел больше всего на свете:

— Эй, братец, помнишь наш уговор?

Чэн Яню было скучно. Сяо Чу ушёл с наставником, а возвращаться в класс сейчас означало подвергнуться атаке любопытных соучеников. Лучше уж было вытрясти долг из проигравшего брата.

Чэн Цзинь обернулся. Довольный вид родственника привел его в бешенство.

— Ты столько времени притворялся! Зачем тебе понадобилось устраивать это представление сейчас? — прошипел он.

С одной стороны, он верил, что Чэн Янь раскрыл свой талант лишь ради пари, с другой — это казалось слишком безумным даже для него. Впрочем, ответ брата оказался ещё более невыносимым.

Тот лишь вскинул бровь:

— Я вовсе не притворялся. Просто ты так настаивал на пари, что мне пришлось вчера просить Сяо Чу о помощи. Весь вечер зубрили! Раньше я и не знал, какие предметы сдают, а тут — гляди-ка, расстарался и случайно в тройку попал.

К счастью, ученики уже разошлись, а наставников не было поблизости, иначе их хватил бы удар от таких слов. Чэн Цзинь покраснел от ярости. Его пальцы дрожали, когда он указал на брата:

— Ты... ты издеваешься надо мной!

Чэн Янь лишь вздохнул с притворным сожалением, видя, что его «искреннее» признание не нашло понимания. Впрочем, он пришёл не за пониманием.

— Оставим это. Меня больше интересует: когда ты отдашь мне мои пятьсот лянов?

Чэн Цзинь едва дышал от гнева.

— Ты... тебе что, так приспичило?

— Да нет. Просто боюсь, что у тебя память короткая, вдруг забудешь ненароком?

Долги следовало возвращать вовремя, и Чэн Янь не собирался давать брату спуску. Лицо того потемнело.

— У меня... у меня нет денег!

Победитель экзамена изобразил крайнее удивление, хотя состояние кошелька брата не было для него секретом.

— Выходит, ты решил меня обмануть? Отец и наложница дают тебе предостаточно, да и по кабакам ты не шляешься. Куда же они делись? Может, мне стоит заглянуть к твоей матушке и сверить счета? Если ты и впрямь на мели, я, так и быть, прощу долг.

Он уже собрался уходить с самым независимым видом, когда Чэн Цзинь, побледнев от ужаса, вцепился в его рукав.

— Стой! — прорычал он.

Чэн Янь обернулся:

— Что? Внезапно нашлись деньги?

Младший брат понимал, что его провоцируют, но поделаться ничего не мог.

— Дай мне пару дней. Я всё верну, обещаю.

— Что ж, ловлю тебя на слове. Смотри, я запомнил.

С этими словами он неспешно удалился. Чэн Цзинь сжал кулаки, затем медленно разжал их и пошёл прочь. Но пошёл он вовсе не туда, куда направился его брат.

Он направился к классу Дин и долго ждал у входа, пока не появился Сян Ань. Тот, завидев его, расплылся в улыбке и поспешил навстречу:

— Второй молодой господин Чэн! Каким ветром вас к нам занесло?

Тот терпеть не мог этого обращения — оно словно напоминало, что он всегда будет вторым после брата. Теперь это было правдой: даже в учёбе, которой он так гордился, Чэн Янь втоптал его в грязь. Странно, но Цзинь поймал себя на мысли, что его это почти не задевает — в душе осталась лишь глухая обида и мысли о другом.

Он схватил Сян Аня за локоть:

— Пойдём туда, где нас не услышат.

Сян Ань воровато огляделся и повёл его в укромное место за постройками академии.

— Что случилось, господин? — Удивительно, но в последнее время оба брата Чэн зачастили к нему с просьбами о тёмных делишках.

Сегодня Сян Ань уже успел сорвать куш благодаря своей находчивости, и теперь он пребывал в прекрасном расположении духа, глядя на Чэн Цзиня как на мешок с золотом. Тому привычная почтительность парня пришлась по вкусу.

— Ты говорил... — начал Цзинь, — что знаешь способ быстро раздобыть денег?

Когда он впервые проиграл, он хотел уйти, но Сян Ань без лишних слов ссудил ему крупную сумму, позволив отыграться. С тех пор юноша пристрастился к азарту. Но удача была капризна: он чаще проигрывал, чем побеждал. У Сян Аня же деньги водились только после удачных игр, и он не всегда мог помочь.

Перед экзаменами они оба сидели без гроша, и тогда парень обмолвился о «быстром способе». Цзинь тогда почуял неладное и отказался слушать, решив добыть средства иначе. В итоге денег он не нашел, зато задолжал брату ещё пятьсот лянов.

Он не знал, действительно ли Чэн Янь собирается проверять счета, но рисковать не мог. Если родители узнают о его пристрастии к игре — это будет конец. Долг нужно было вернуть любой ценой.

Сян Ань лишь хмыкнул про себя. Эти двое были на редкость непоследовательны — история повторялась один в один. Но теперь он сам мог позволить себе диктовать условия.

— Способ есть, — протянул он. — Но дело рискованное. К тому же, я сейчас при деньгах и лезть в это не хочу. Могу рассказать, но делать всё будете сами.

Чэн Цзинь решил, что парню просто повезло в игре, и не стал вникать. Он понимал, что риск велик, но иного выхода не видел.

— Говори! Я никому не выдам!

Сян Ань заговорщицки придвинулся ближе:

— Скажите, господин, вы знаете, какие ценные книги хранятся на втором этаже нашей библиотеки?

***

Стоило Чэн Яню переступить порог класса Цзя, как его тут же окружили соученики. На все их расспросы он отвечал заготовленной ложью: мол, не хотел, чтобы отец возлагал на него

слишком большие надежды, вот и притворялся неучем. Услышав это, те, кто годами зубрил учебники и не мог подняться выше середины списка, едва не подавились от злобы.

Они-то гордились каждым удачным эссе, а тут — такое...

— Я просто набросал пару мыслей, — беззаботно вещал Чэн Янь. — Кто же знал, что господину Линю это так понравится. Если бы я знал, что привлеку столько внимания, написал бы что-нибудь попроще.

— Чэн Янь! Довольно болтовни! — В класс вошёл Учитель Даоцин. Услышав самохвальство ученика, он едва не взорвался от негодования.

Юноша тут же вытянулся в струнку и умолк, продолжая, впрочем, весело улыбаться. Вслед за учителем вошёл Чу Ван, прижимая к груди стопку свитков. Чэн Янь тут же подскочил и забрал у него ношу — восемьдесят с лишним работ на плотной бумаге были не из лёгких.

Учитель Даоцин снова сердито зыркнул на него, но промолчал, лишь коротко распорядился:

— Раздайте работы.

Главный герой замялся. Несмотря на то, что в классе был восемьдесят один человек, он помнил имена от силы троих. Но они быстро справились: Чэн Янь держал стопку, а Сяо Чу раздавал листы.

Юноша заметил, что ни Чэн Цзинь, ни Мэн Чэньхуэй в класс не вернулись. После такого провала и позора это было неудивительно, и даже учитель не стал спрашивать, где они. Когда всё было роздано, обнаружилось, что ни Чэн Яню, ни Чу Вану работ не досталось.

Вернувшись на место, он поднял руку:

— Учитель! У нас с Чу Ваном нет свитков!

Даоцин смерил его испепеляющим взглядом, а по классу пронеслись смешки. Чэн Янь не понимал, в чем дело, пока Сяо Чу не дернул его за рукав.

— После каждого важного экзамена работы двух лучших учеников остаются у наставника, — процедил учитель. — Мы разбираем их на уроке как образец. Ты что, вообще никогда не слушал, о чем я говорю?!

Впрочем, Даоцин тут же понял, что вопрос был риторическим. Он лишь холодно хмыкнул:

— Начнем с эссе Чу Вана. Посмотрим, за счет чего он добился такого блеска...

Обычно Чэн Янь на уроках витал в облаках, но сейчас слушал на редкость внимательно. Наставник решил, что тот наконец-то взялся за ум, но всё равно не мог избавиться от раздражения при виде этого «таланта».

Разобрав достоинства слога Сяо Чу, Даоцин перешёл к его стихам. Затем настала очередь Чэн Яня. Его ода была выстроена безупречно — в жестких рамках экзамена это было редкой удачей. Закончив разбор, учитель пустил оба свитка по рядам.

— Изучите их внимательно. Позже я спрошу ваше мнение.

Ученики тут же впились в листы. Кто-то, не выдержав, спросил:

— Учитель, а где же политическое эссе Чэн Яня?

Даоцин был готов к этому вопросу.

— Его работа хранится у директора. Она слишком... специфична для общего разбора и не подходит в качестве учебного пособия.

Класс ахнул. Все решили, что юноша создал нечто столь гениальное, что даже работа Сяо Чу меркнет на её фоне. И только сам Чу Ван подозревал, что причина кроется в чём-то совершенно ином.

Ужинали они в столовой. То ли после роскошного обеда, то ли из-за волнений дня, но Сяо Чу кусок в горло не лез — еда казалась безвкусной. Чэн Янь сам заказал блюда, настояв на том, чтобы они ели вместе. Он заставил стол закусками и усадил друга напротив себя.

Когда с едой было почти покончено, Чу Ван, смутившись, произнес:

— Я позже отдам тебе деньги... и за обед тоже.

Его спутник заказывал самые дорогие мясные блюда, которые тот обычно обходил стороной. Но сегодня, в честь их успеха, юноша решил не мелочиться. Чэн Янь лишь отмахнулся:

— Пустяки. Считай это платой за то, что помог мне занять второе место!

Чу Ван посмотрел на него с сомнением. Разве можно считать помощью то, что он просто назвал темы и дал почитать свои старые записи?

В этот момент мимо проходил соученик. Он остановился и с надеждой посмотрел на лидера списка:

— Цзыгуань! Помоги мне с учебой! Если я поднимусь хотя бы на десять мест, я приглашу тебя на пир в «Шоудэлоу»!

Чэн Янь внезапно разозлился:

— Проваливай! Эта ресторация принадлежит моей семье! Я могу кормить Чу Вана там хоть каждый день бесплатно! — Его взгляд ясно давал понять: «Тебе тут делать нечего».

Тот лишь неловко улыбнулся и попытался все уладить:

— Успех Чэн Яня — это его собственная заслуга. Я почти ничем ему не помог.

Впрочем, поверили ему или нет, юношу уже не заботило.

***

После ужина они медленно побрели к общежитию. Сосед Чу Вана по комнате, завидев их вместе, тут же схватил свои книги.

— Я... мне нужно в библиотеку! — пролепетал он и пулей выскочил за дверь.

Чэн Янь остался крайне доволен такой догадливостью. Сяо Чу же почувствовал укол смущения, словно их тайные помыслы были выставлены напоказ. Впрочем, ему действительно нужно было поговорить с другом. Дождавшись, пока дверь закроется, он запер её на засов.

Чэн Янь уже развалился на его кровати, потягиваясь:

— Устал как собака!

Сяо Чу подошёл к нему. Поколебавшись мгновение, он положил руки на плечи друга и быстро заговорил, прежде чем тот успел вставить слово:

— Давай я... разомну тебе плечи.

Тот замер, затем негромко рассмеялся, позволяя заняться своим делом. Он поднял взгляд и увидел лицо друга — сосредоточенное, с мягко опущенными ресницами. В мягком свете Маленький цзюньван казался сошедшим с древнего свитка образом, чья красота лишает дара речи.

Видя, как этот обычно сдержанный и холодный со всеми юноша проявляет к нему такую нежность, Чэн Янь не выдержал. Он внезапно обхватил собеседника за талию и притянул к себе.

— Так что ты написал в эссе... Эй! Что ты делаешь?! — воскликнул юноша, пытаясь высвободиться.

Но Чэн Янь крепко удерживал его.

— Просто обнимаю тебя.

Щеки Сяо Чу вспыхнули. Он попытался отвести взгляд, но его не отпускали.

— Перестань...

Но при этом он перестал сопротивляться, позволяя себя обнимать. Чэн Янь прижал его к себе и, вспомнив вопрос друга, ответил:

— Если хочешь, я могу повторить эссе для тебя.

— Хочу! — тут же отозвался Чу Ван.

Чэн Янь процитировал своё сочинение слово в слово. По мере того как он говорил, лицо слушателя становилось всё более серьёзным. Под конец тот лишь вздохнул:

— Теперь понятно, почему его не стали показывать. Жаль... твоя работа сильнее моей.

— Вовсе нет, — улыбнулся автор. — Твои работы становятся всё лучше, я это вижу.

Они посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. Спустя минуту Чу Ван тихо спросил:

— Ты ведь... с самого начала знал, что Мэн Чэньхуэй лжёт?

Чэн Янь сделал невинное лицо:

— Я лишь догадывался. Человек с таким характером и связями растрюбил бы о них на каждом углу. А раз он темнил, значит, за душой у него ничего не было.

— Ты на редкость проницателен. Я бы никогда до такого не додумался.

Чэн Янь не стал признаваться, что знал правду из иного источника — он не хотел лишний раз обманывать Сяо Чу, но и сказать правду не мог. К тому же, вспоминая сюжет, он чувствовал лишь брезгливость. Тот завистник так отчаянно цеплялся за ложный статус, надеясь впечатлить экзаменатора. В той, прошлой жизни, он добился своего, пока Чу Ван страдал от насмешек.

Но теперь всё изменилось. Мэн Чэньхуэй опозорен и раздавлен, и Чэн Янь не мог не чувствовать удовлетворения. Отбросив мысли о врагах, он внезапно потянул друга за руку, заставляя сесть рядом.

— Забудь о нём. Сегодня я показал такой результат... Не хочешь меня наградить?

Сяо Чу не успел опомниться, как оказался на кровати, прижатый плечом к плечу.

— Ч-что?..

Ему повторили вопрос. Пальцы Чэн Яня осторожно коснулись его подбородка, заставляя повернуться. Юноша замер, глядя другу в глаза. В голове у него всё перемешалось. Лишь когда большой палец коснулся его губ, он вздрогнул и отпрянул.

— Я... я тоже занял первое место! — выпалил он, пытаясь скрыть волнение. — С чего бы мне тебя награждать?

Чэн Янь рассмеялся:

— Ты лишь удержал своё место, а я поднялся на восемьдесят ступенек! Кто из нас молодец? — Не давая Сяо Чу возразить, он прошептал: — Впрочем, я и сам могу тебя наградить.

Он снова взял его за подбородок, на этот раз не давая уклониться, и быстро приник к его губам. Тот замер, глядя на него широко раскрытыми глазами, но когда почувствовал настойчивое требование ответа, лишь прикрыл веки от стыда.

Юноша перестал сопротивляться, отвечая на ласку. Поцелуй был долгим и нежным. Чу Вану казалось, что земля уходит из-под ног и он вот-вот взлетит. Чэн Янь был его единственной опорой, крепко прижимая к себе.

Когда они наконец отстранились, Сяо Чу лежал на кровати, глядя на друга в каком-то забытьи.

— Дай мне награду, — прошептал Чэн Янь с явным намеком.

Чу Ван внезапно кое-что вспомнил. Он посмотрел на друга с сомнением:

— Но ты ведь сам говорил, что у тебя...

— Что? — не понял тот.

— ...мужское бессилие.

Чэн Янь замер. Он в сердцах сел на кровати, выругавшись про себя: «Проклятье! Совсем из головы вылетело!» Это тело всё ещё было ему чужим, и в суматохе дел он совершенно забыл о своей маленькой лжи. Он всё собирался заняться своим здоровьем, да так и не сподобился.

Сяо Чу тоже сел, глядя на его раздосадованное лицо. В его душе внезапно поднялась волна нежности. Порывисто подавшись вперед, он обнял Чэн Яня за талию и прижался щекой к его груди. Это было его первое столь смелое проявление чувств.

Тот замер от неожиданности.

— Ничего... — тихо проговорил Маленький цзюньван, пытаясь его утешить. — Мне всё равно... я всё равно тебя люблю.

Чэн Янь на мгновение лишился дара речи, но тут же пришёл в себя.

— Тогда... поцелуй меня ещё раз, — жалобно протянул он.

О достоинстве он в этот момент не думал вовсе. Чу Ван посмотрел на него, не сдержал улыбки и, подавшись вперед, коснулся своими губами его губ.

«Здорово, — втайне подумал он. — Пусть у него есть изъяны, в моих глазах он всё равно само совершенство»

<http://bllate.org/book/15870/1443564>